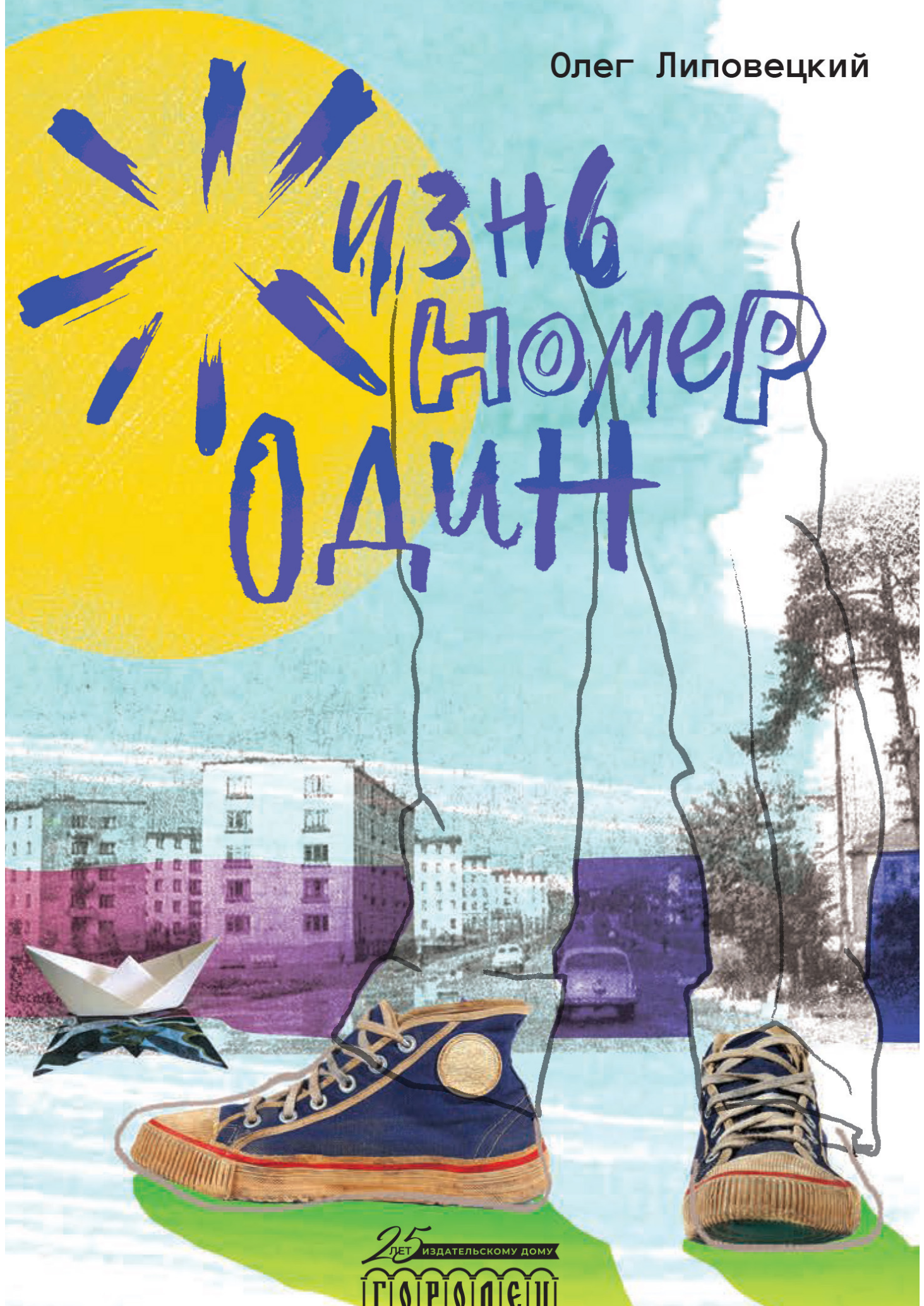


Олег Липовецкий

# ИЗНУ НОМЕР ОДИН



25  
ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ  
ГОРГОДЕЦ

Олег Липовецкий  
**Жизнь номер один**

ИД «Городец»

2022

УДК 82-3  
ББК 84(2Рос=Рус)6

**Липовецкий О.**

Жизнь номер один / О. Липовецкий — ИД «Городец», 2022

ISBN 978-5-907483-16-3

«Жизнь номер один» – книга о детстве и взрослении, семье и времени. Трогательная и личная, серьезная и легкая, повесть будет интересна как взрослым, так и подросткам. В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 82-3  
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907483-16-3

© Липовецкий О., 2022  
© ИД «Городец», 2022

# Содержание

Глава I	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

# Олег Липовецкий

## Жизнь номер один

© Липовецкий О., 2022

© ИД «Городец», 2022

\* \* \*

*Моей семье посвящается*

*Дисклеймер:*

*Все персонажи и события в этом тексте являются вымышленными.*

*Все совпадения с реальными людьми и событиями случайны.*

*Я смотрю в свое окно. Уже лет тридцать, как левый нижний угол наружного стекла откололся, и папа склеил его изолентой.*

*Папы нет уже пять лет. Из окна виден мой детский сад. Я помню каждое дерево на его территории. Запах группы. Лица одноклассников и момент, когда воспитательница говорит: «За тобой пришли».*

## Глава I

### *Черная полоса*

Детский сад «Тополек», куда я самостоятельно, а потому гордо шагал каждое утро, находился прямо за нашим домом. Обычно, захлопнув дверь квартиры, я сбегал по лестнице с третьего этажа, скользя рукой по перекладинам подъездных перил, каждая из которых отзывалась на прикосновение моей ладони своей нотой. Эту мелодию я знал наизусть – с нее начинался каждый будний день моего детства. Но сегодня мне было не до музыки. Дверь подъезда с треснутой фанерной вставкой, выкрашенной в синий, легко распахнулась и выпустила меня на улицу. Ночью прошел дождь, и неровный асфальт вдоль дома был покрыт пятнами небольших лужиц, как шкура жирафа на картинке в какой-то не помню книге. Вспомнив мамино «Не ходи по лужам» и оглянувшись на окно кухни (мамы в нем не оказалось), я смело затопал напрямик, дерзко разбрызгивая жирафные лужи новыми ботинками. Мне казалось, что, уничтожая их беспечную гладь, я мщу миру за свои злоключения. Дойдя до угла дома, я повернул направо и прошел мимо крыльца кулинарии. Она была еще закрыта. По какой-то неведомой причине человек, проходящий мимо торца дома в любое время дня и ночи, попадал в невероятной силы поток аромата свежей выпечки. Обычно я останавливался здесь на минутку понюхать воздух. Мне очень нравилось улавливать в теплых волнах отдельные запахи. Вот это сочень. А это, похоже, пирожок с повидлом. Или свежая глазированная полоска. Обычно, но не сегодня. Сегодня я миновал кулинарию без остановки и подошел к дороге, на другой стороне которой стоял детский сад. В это утро он казался неприветливым и зловещим. Сегодня все казалось мне неприветливым и зловещим.

Вчера вечером ничто не предвещало беды, пока папа не решил надеть в гости свои золотые запонки. Запонки достались ему от его отца – моего деда Давида. Были подарены на свадьбу. Надевал их папа редко, по особым случаям. Они входили в комплект, который назывался «на выход». Еще в комплекте была белая рубашка с дырочками на рукавах вместо пуговиц, коричневый костюм, блестящие кожаные туфли, галстук и штука, которой этот галстук прикреплялся к рубашке. У меня тоже был свой комплект на выход. И у брата. И у мамы. Но только у моего папы в комплекте были такие запонки. О них и речь.

Знали бы писатель Стивенсон и дедушка Давид, к чему приведут роман «Остров сокровищ» и старые портновские ножницы. Какая связь? Просто месяц назад чрезвычайно одаренный и смысленный ребенок, каким считали меня все соседские бабушки, был поражен одноименным фильмом. А точнее, волшебным блеском драгоценных камней в сундуке мертвеца, на который, как вы знаете, претендовали пятнадцать человек. Романтическая натура взяла верх, и, справедливо рассудив, что каждый человек имеет право на пару-тройку драгоценных камней, я незамедлительно приступил к их поиску. Поиски начались и закончились в родительской шкатулке. Клад был найден. Как вы догадались – папины запонки. Но возникла проблема. Мне нужны были только камни. И вот, дождавшись момента, когда родители оставят меня одного, а брат уйдет гулять, не теряя ни минуты, я, оправдывая оценки пожилых соседок, огромными портновскими ножницами, кстати, тоже доставшимися от дедушки Давида, вспорол презренный желтый металл запонок и стал обладателем двух маленьких драгоценных звезд. Исковерканные запонки были положены на место в коробочку, коробочка в шкатулочку, шкатулочка в трюмо, пахнущее мамиными духами и помадами. Камни я закопал. В надежном месте. Под цветком алоэ, в горшке, в спальне родителей.

Вечером, доедая рисовую кашу и услышав истошный папин крик, я понял все и сразу. Сотой доли секунды хватило мне, чтобы среагировать и запереться в туалете. Я всегда запирался в туалете в минуты опасности. Об этом свидетельствовали многочисленные парные

отверстия, оставшиеся от шурупов, которыми папа прикручивал на новое место дверной шпингалет, вырванный после очередной осады. Не знаю, что заставляло меня каждый раз запирается в сортире и не открывать дверь, несмотря на все уговоры. Я знал, что это не поможет и защелка не выдержит папиного гнева, но ведь мы всегда хотим отсрочить неизбежное. После папиного предупредительного рывка должен был последовать второй, который дверь, конечно, не выдержала бы. И тут в моей голове мелькнула, как мне тогда показалось, гениальная мысль, и я закричал: «Папа, не надо! Я сам выйду!» Шум за дверью стих, и я, казалось бы покорно выйдя из туалета, опрометью ринулся к электророзетке, сжимая в руке мамину шпильку. «Если подойдешь – воткну!» – крикнул я и приставил шпильку к отверстию. «Втыкай», – ответил папа и сделал шаг в моем направлении. Он же не думал, что его сын, как бы это помягче... Короче, в следующее мгновение меня, как бы это опять помягче... так шарахнуло током, что я отлетел и размазался по противоположной стене коридора. Волосы у меня реально встали дыбом. Ни ремень, ни ладошка папе негодились, ибо я наказал себя сам. Подъезд лишился электричества, мама – шпильки, а я – прогулок и лимонада на месяц.

Понятно, что на следующий день мне все казалось мрачным и зловещим. День не задался с самого утра. Потихоньку от папы: после вчерашнего он мог и не разрешить, мама дала мне десять копеек на мультфильмы. Помните, раньше в саду группой ходили в кино, и детский сеанс стоил десять копеек? Уже в том нежном возрасте у меня была одна вредная привычка. Нет, конечно, я не курил и не пил тем более. Но я почему-то очень любил носить деньги во рту. Естественно, только монеты. Купюры мне еще и не давали, к моему большому сожалению. Выйдя из квартиры, я, как обычно, засунул десять копеек в рот и, гоняя во рту денежку, а в голове мрачные мысли о своей тяжелой доле, отправился в детский сад. Подойдя к большой и тяжелой входной двери, я с трудом двумя руками, преодолевая сопротивление толстой пружины, приоткрыл ее и юркнул внутрь. Как оказалось, юркнул я недостаточно быстро, потому что дверь меня догнала и врезала по заднице. И в этот момент я проглотил свои десять копеек.

Это был первый инородный предмет, который я съел за свою недолгую жизнь. Мне стало страшно, что я умру и не пойду на мультфильмы. И если со смертью было еще не все понятно, то мульты мне точно не светили. Если я умру, то какие тут мульты, а если даже не умру, то денег на билет все равно нет. Испугавшись, я взбежал на второй этаж, где находилась наша группа, и бросился к воспитательнице: «Татьяна Ивановна, я проглотил десять копеек, что теперь будет, я умру?» Татьяна Ивановна сделала озабоченное лицо и ответила: «Нет, Олег, ты будешь жить, но станешь копилкой...» В шесть лет я точно знал, что ребенок не может превратиться в грибок с прорезью, поэтому понял, что воспитательница шутит. «А мультфильмы?» – спросил я. «Мультфильмы придется пропустить. Будешь помогать тете Мане накрывать полдник».

Пока группа наслаждалась мультфильмами в кинотеатре, я наслаждался обществом тети Мани. Надо сказать, что тетю Маню я правда очень любил. Ее все любили. Тетя Маня была нашей нянечкой. Мне кажется, что она прямо родилась нянечкой. Вот в этом белом переднике, в этой косынке, с большим носом картошкой и добрыми-предобрыми глазами. У тети Мани не было возраста. Правда. Я до сих пор не знаю, сколько ей было лет. Вроде старше всех, но не бабушка. Бабушка была у меня дома. А тетя Маня... Ну, наверное, она была такая добрая, что непонятно было, когда она родилась. Непонятно же, когда появилась доброта. Но в тот день я дулся на всех. Даже на тетю Маню. Ведь все были в кинотеатре «Ладога», а я разносил кружки.

Я родился и вырос на берегу Ладожского озера в городе Питкяранта, и в нашем городе все называлось «Ладога» или «Питкяранта». Кинотеатр «Ладога», ресторан «Питкяранта», мастерская обуви «Ладога», хлебный магазин «Питкяранта» и так далее. Правда, бывали исключения. Например, местная газета называлась «Новая Ладога».

Вареная детсадовская свекла сегодня была особенно противной, колготки сползали с ног и сбивались в тапках гораздо быстрее, чем обычно, и новая машинка Толи Комеля вызывала гнетущее чувство собственной неполноценности. Но природная жизнелюбивость взяла верх,

и ко времени прогулки я начал забывать, что меня окружает жестокий мир, полный коварных ловушек и неожиданных неприятностей. Тут-то все и началось. Вернее, продолжилось.

Как в любом стандартном детском саду, в нашем было четыре группы. Младшая, средняя, старшая и подготовительная. Соответственно, и двор детского сада был поделен на четыре резервации. Каждая со своими границами, своей верандой, за которой справлялись исключительно свои «групповые» надобности, и со своим детским домиком. Вот это безобидное строение и стало причиной моего немислимого позора. Надо сказать, что наш домик несколько отличался от остальных. У него был потолок. Не просто, знаете ли, крыша коньком, а настоящий потолок из добротных досок. И вот одна из досок пропала. Наверное, понадобилась кому-то из жильцов близлежащих домов. Добытчик был человеком интеллигентным и не только не повредил остальные доски, но даже аккуратно сложил на скамеечке гнутые гвозди, мол, нам лишнего не надо. Так вот, благодаря неизвестному похитителю у нас появилось дополнительное помещение, этакий таинственный чердачок, куда среднестатистический ребенок мог забраться головой вперед, почувствовать себя разведчиком и выползти, не меняя положения тела и нащупывая ногами заветный лаз. Я среднестатистическим ребенком не был. Я был очень толстым ребенком, вскормленным на пирогах бабы Клары, рисовой каше бабы Ривы и молочных коржиках, которые покупал сам в нашей кулинарии на мелочь, стыренную из карманов старшего брата. Но ведь толстым тоже хочется быть разведчиками. К тому же я не мог даже представить того кошмара, который ждет меня впереди. Короче, когда очередь лезть дошла до меня, я залез. До половины. Вернее, до середины... живота и застрял. Гвозди, торчавшие из досок, не позволяли мне двинуться назад, впиваясь при малейшей попытке освободиться. Часть тела, располагавшаяся выше моей ватерлинии, пребывала в темноте и неизвестности, другая же свисала с потолка и дергалась в тщетных попытках спасти первую. Через несколько минут безуспешной борьбы с домиком я взмолился о помощи, и над мирно пасущимися детьми взвился крик: «Татьяна Ивановна, Любашевский застрял!!!» Через минуту возле домика собрались все воспитатели и нянечки, через две – абсолютно все воспитанники всех четырех групп, через пять – пришел дворник Савелий Семенович с пилой и гвоздодером. К этому времени я уже рыдал. Не знаю, от чего больше – от страха перед угрозой провести остаток жизни врасстая в домик или от стыда и позора, представляя себе момент своего освобождения. Меня выпилили. Происшествие это неделю обсуждалось коллективом детского сада, его воспитанниками и их родителями. Короче, всем городом. Я же с тех пор ненавижу чердаки любых размеров и любой формы. Ненавижу.

Чердаки – чердаками, а мне нужно было продолжать жить среди этих людей... Вы сами знаете, сколько для нас значит общественное мнение, а мнение детсадовского сообщества и конкретно моей группы грозило мне сомнительной перспективой разделить славу с небезызвестным Винни Пухом. Нужно было предпринимать решительные действия. Пока мои товарищи мирно посапывали во время послеобеденного сна, который мы терпеть не могли в детском саду и о котором почти все грезим сейчас, я лихорадочно перебирал способы реабилитации своей поруганной чести. Ко времени подъема я осознал, что выход из сложившейся ситуации только один: я должен стать лучшим. Лучшим во всем.

Случай начать приводить план в действие представился очень скоро. После сна воспитательница посадила нас лепить из пластилина самолетики. Я, естественно, решил, что должен опередить всех, поэтому с необычайным рвением взялся за создание своей скульптуры. Но возникло неожиданное препятствие. Вернее, надобность. А еще точнее – нужда. Можно даже сказать – большая нужда. Передо мной отчетливо встал выбор между суетным и вечным: либо я удовлетворяю свои сиюминутные надобности, либо думаю о будущем. Как мальчик умный, я, конечно, выбрал второе и таки слепил самолетик первым. Собрав волю, и не только волю, в кулак, я подошел к воспитательнице и, положив на стол пластилиновое искусство, попросил разрешения удалиться. Получив положительный ответ, я стремительно посеменил в туалет,

стараясь при этом сохранять достойную осанку. Как вы знаете, туалетные комнаты в детских садах представляют собой помещение из двух частей. Первая – это умывалка, а уже за ней то самое место, куда я так стремился. Так вот, меняхватило только до умывалки. Заскочив в нее, я захлопнул за собой дверь, и одновременно с ее грохотом захлопнулась дверь в мое светлое будущее. Глаза мои мгновенно наполнились слезами, а колготки... Все двери в этот день были против меня. Все двери в этот день были для меня закрыты. Там за стеной мои ровесники лепили самолетики, и я понимал, что не могу выйти к ним с полными колготками. Путь в общество был закрыт навсегда. Оставалось одно – бежать. И я побежал. Закрыв дверь из туалета, куда я так стремился, благо на ней был крючок, я открыл окно. Наша группа находилась на втором этаже, но рядом с окном проходила старая, коричневая от ржавчины водосточная труба. Было страшно... Но выхода не было. И я это сделал. Я перелез на трубу и медленно пополз вниз. Я уже говорил, что был мальчиком, мягко скажем, очень плотненьким... Не успел я преодолеть и полуметра, как труба с холодящим детское сердце скрежетом начала отделяться от стены, и я тут же впал в ступор и застыл, обхватив железяку всеми конечностями, которые свело от жуткого страха высоты. Не знаю, к счастью ли моему или к горю, но в это время внизу проходил тот самый дворник Савелий Семенович, который несколькими часами раньше выпиливал меня из домика. Увидев висящего на трубе на уровне второго этажа маленького толстого еврея в полных колготках, конечно, колготки он не разглядывал, это я так добавил, для красного словца, – так вот, увидев висящего на стене детсада ребенка, он ринулся в группу с неожиданной для его столь преклонного возраста прытью. Если бы у дверных крючков и защелок была душа, то они, наверное, ненавидели бы меня всей этой самой душой. Уж больно часто их вырывали из дверей, чтобы до меня добраться. Итак, дверь, теряя крючок, распахнулась, и в туалет влетели дворник и воспитательница. Савелий Семенович схватил меня, Татьяна Ивановна схватила Савелия Семеновича, и меня как репку втащили обратно в окно. Потом я, упав на колени, умолял, чтобы никто никому ничего не рассказывал, Татьяна Ивановна мыла меня и переодевала в рейтузы из шкафчика. Для детей была придумана легенда о том, что мне стало плохо и я потерял сознание. Я тут же стал героем группы, а потом и всего детского сада. Это ведь невозможно круто – потерять сознание.

Когда за мной пришел папа, он, конечно, как и любой другой папа на его месте, не заметил, что я уже в рейтузах. Татьяна Ивановна вынесла ему пакет, состоящий из моих колготок, завернутых в несколько слоев газет. Я, кстати, недавно научился читать и читал все надписи, попадавшие мне на глаза. Как сейчас помню заглавие какой-то статьи на этой газете: «Подвиг во имя...» Во имя чего, было не видно, потому что газета в этом месте загибалась. На вопрос «Что это?» папа получил ответ: «Это вам сюрприз от сына. Возможно, там даже есть деньги!» – «Да?» – живо отреагировал папа и потянулся развернуть сверток. «Нет-нет. Дома посмотрите». Татьяна Ивановна сдержала слово и никому ничего не сказала. Мое уважение к ней будет жить столько, сколько буду жить я.

Вот такой был денек... Дома папа развернул пакет. Но об этом лучше не писать...

## Глава 2

### *Белые клавиши*

Я купил дочке пианино. «Красный Октябрь» 1965 года выпуска. Такое же, какое мама взяла в пункте проката, когда мне было шесть лет. Это было событие, сравнимое для меня разве что с Новым годом. Четыре здоровых дядьки втащили блестящее, как наша полированная стенка в гостиной, коричневое чудо на третий этаж, больно придавливая друг друга на поворотах к перилам и обмениваясь выкриками, значения которых я еще не понимал, хотя и слышал некоторые такие слова от старших пацанов во дворе. Однако по порядку.

Однажды я пришел из детского сада и с загадочным видом попросил маму и папу сесть на диван в большой комнате. Папа отложил газету, мама – недолепленные котлеты, и я начал одно из первых своих выступлений. Включив проигрыватель «Рекорд-320» и поставив пластинку группы, кажется, «Самоцветы», я под песню «Увезу тебя я в тундру» лихо отплясал вприсядку. Родители восторженно зааплодировали. Теперь, когда я сам родитель, я понимаю, что особо восторгаться наверняка было нечем, что в этих аплодисментах папы и мамы крылся аванс моим предполагаемым будущим жизненным успехам. Но тогда, окрыленный признанием, я, подбоchenясь (подбоchenиваться нас научили, когда мы готовили в саду танец казачков ко Дню Советской армии), заявил, что хочу учиться играть на пианино. На резонное родительское предложение пойти в танцевальный кружок я ответил категорическим отказом и добавил что-то вроде того, что они ничегошеньки не понимают в искусстве. Если точнее, то с криком «Только пианино!» упал на пол и стал рыдать. Папе и маме не помогло ничего. И то, что они убедительно объясняли мне, что в музыкальную школу берут с семи лет, а мне только шесть, и то, что сейчас на дворе ноябрь, а вступительные экзамены в сентябре... Дело дошло до истерики, которая повторялась день за днем, как только я возвращался из сада. В конце концов родители сломались, и папа позвонил в музыкальную школу... Не знаю, каких трудов ему стоило уговорить педагогов сделать для меня исключение, но они это сделали.

И вот день настал. На меня надели матросский костюмчик – это был мой комплект на выход, и за руку с папой я отправился на индивидуальный вступительный экзамен. Сердце мое трепетало, когда я переступил порог храма музыки, который располагался под шиферной крышей одноэтажного деревянного здания с печным отоплением. Мне страшно нравился этот запах натопленных печей. Потом, в перерывах между гаммами и этюдами, я с неизъяснимым, но таким знакомым всем, кто хоть раз топил печь, наслаждением буду подбрасывать дрова в большую, от пола до потолка, выкрашенную серебрянкой круглую печь и слушать рассказы моего любимого педагога по специальности Анатолия Александровича Алексева или, как его звали старшие девочки – Три А. Но это будет потом, а сейчас я уверенно хамил еще незнакомому мне Анатолию Александровичу, который в целях определения моих способностей пытался запутать меня в клавишах. Папа краснел и прятал глаза от педагогов, Анатолий Александрович счастливо хохотал и давал мне все более сложные задания, а я свирепел от его, как мне казалось, попыток разрушить мою мечту и колотил по клавишам, не поддаваясь на его происки. В общем, меня взяли. Три А сказал, что никому меня не отдаст и я буду учиться в его классе. Он мне понравился. У него были длинные волосы и загибающиеся вниз усы. Вообще, он был похож на певца из телевизора, который пел про Олесю в Полесье. Олеся в Полесье, кстати, это моя первая мечта о женщине. Я страшно хотел увидеть красавицу, о которой даже птицы кричат. И был уверен, что придет время, и я ее обязательно найду. И вот часть этой симпатии к Олесе досталась Анатолию Александровичу, потому что он был похож на певца, который был знаком с Олесей и написал про нее отличную песню. Анатолия Александровича я встречал в городе и раньше. Его можно было узнать издали. Он прихрамывал на правую ногу,

и длинная прическа покачивалась в сильную долю. Одноклассники из музыкалки по секрету рассказали мне, что прихрамывал он не на ногу, а на протез, что правой ноги ниже колена у него вообще нет. Это добавило загадочности в его и так романтический образ. Спросить, куда делась нога, я стеснялся, но часто об этом фантазировал, выдумывая про нее разные истории. Вот молодой Анатолий Александрович в армии наступает на мину, а вот заблудился в лесу и ногами отбивается от стаи волков. Иногда он даже становился одноногим пиратом, потерявшим ногу во время абордажа. Но, хотя ему бы очень пошли камзол и сабля, я быстро отметал эту мысль, потому что понимал, что пираты давно вымерли.

Из-за отсутствия ноги Три А нажимал педаль левой, а правую, когда садился за пианино, всегда отставлял в сторону. Я нажимал на педаль правой. Прошло много лет, но, когда я сажусь за пианино, отставляю левую ногу в сторону.

Остаток года в детском саду прошел просто сказочно. Я стал практически взрослым. Мне купили коричневую, пахнущую клеенкой нотную папку с оттиснутой на ней лирой, и я самостоятельно посещал музыкальную школу, ведь родители были на работе. Для этого я уходил из детского сада раньше времени. Мне завидовали абсолютно все. Даже воспитатели. На детском выпускном я исполнил два этюда, спел песню про пограничников и, конечно, сплясал вприсядку.

Впереди была широкая светлая дорога, ведущая в школу, и огромная, необозримо огромная жизнь. В ней больше не было места послеобеденному сну, противной вареной свекле и деревянному домику на участке подготовительной группы. Но я не жалел о них. О ком я жалел, так это о Якубке и Клубке. Это два мифических существа из моего детства, с которыми я заочно очень дружил и когда-нибудь собирался познакомиться. Я их не придумывал. Про Якубку мне спел Михаил Боярский в фильме «Три мушкетера»:

*Пора-пора-порадуемся на своем веку  
Красавице Якубке, счастливому клинку.*

Когда я попросил Три А помочь мне подобрать на пианино эту песню, он долго хохотал, а потом сказал мне, что никакой Якубки нет. Есть кубок. Радоваться надо было красавице и возможности выпить вина. Целый сказочный мир рухнул в этот момент в моем сознании. Я очень переживал. Почти как тогда, когда Яна из нашей группы переехала в другой город навсегда, и папа с мамой объяснили мне, что мы, наверное, больше не встретимся. Ну а с Клубкой после Якубки я разобрался сам. Я думал, что Клубка – это существо вроде Мурзилки. Только Мурзилка сочиняет журнал для детей, а Клубка путешествует с кинокамерой и присылает рассказы о разных странах дядьке, который их пересказывает по телевизору. Оказалось, что телепередача называется не «Клубкино путешествие», а «Клуб кинопутешествий». Короче, Клубка отправился вместе с Якубкой туда, где мы не встретимся, наверное, никогда.

В остальном моя жизнь складывалась удачно. Хотя нет. Забыл сказать, все-таки было еще одно событие, омрачившее безоблачное небо моего дошкольного детства. Девятого мая, а девятого мая родился мой папа, и поэтому в доме всегда был двойной праздник, у нас собрались гости. Приходили они после парада, на котором все взрослые шли в своих колоннах по месту работы, а мы с братом менялись колоннами, потому что папа шел с колонной медиков, а мама – с колонной службы бытового обслуживания. У папы в колонне было веселей – там было много мужчин, которые непонятно шутили, но очень заразительно смеялись и мощно кричали «ура», когда толстый голос из громкоговорителей объявлял: «Мимо трибун шествует колонна Питкярантской районной больницы! С годовщиной Победы! Ура, товарищи!» Я всегда удивлялся, что я шествую, потому что по моим ощущениям – я просто шел, да и трибуна была всего одна, и, как я ни старался, я никогда не мог увидеть вторую. В колонне у мамы было не так весело, зато тетеньки не курили вонючие папиросы и угощали конфетами. Главное,

надо было поздороваться, поздравить с праздником и пожелать мирного неба над головой. К концу парада карманы моего светло-коричневого в мелкую крапинку пальто с воротником из черного короткого, наверное искусственного, меха были набиты разными батончиками и карамельками. Кульминацией парада, конечно, был воинский салют после того, как под грустную музыку на гранитные плиты с фамилиями ставились венки из пластмассовых листьев. Они были каждый год одинаковые, и некоторое время я думал, что их просто накануне убирают с плит, немножко моют и во время парада ставят на место. Салютовали солдаты, специально для этого привезенные из соседней пограничной части вместе с карабинами и настоящими патронами, гильзы от которых были самой желанной добычей для любого мальчишки Питкьяранты от пяти до восьми лет. Те, кто младше, еще ничего не понимали в гильзах, а те, кто старше, считали ниже своего достоинства бросаться под ноги солдатам, как только они опускали от плеча карабины. Короче, парад на День Победы был огромным событием в нашем городке. Таким же большим, как демонстрация на Первое мая. Они, кстати, ничем друг от друга не отличались, кроме того, что на Первое мая не было салюта и часто шел снег. К этим датам мама готовилась еще в середине апреля. Как только на улице обрезали тополя, мы с папой выбирали прямые веточки и приносили их домой. Еще папа срезал где-то ветки вербы. Мама ставила их в наполненных водой бутылках из-под молока на подоконник, и происходило чудо. Через некоторое время почки утолщались, и из них показывались липкие ярко-зеленые листики. А из почек вербы высывались, как будто кончики заячьих ушей. Пушистую вербу было очень приятно трогать подушечками пальцев, а зеленые листочки нюхать. За окном еще было совсем холодно, а у нас на подоконнике царил весна. За пару дней до праздников мы с мамой делали из цветной гофрированной бумаги разные маки и розы, а утром, в Первомай или День Победы папа надувал воздушные шары. Ветки вытаскивались из бутылок, к ним привязывались цветы и шары, и с этой красотой в руках я, брат и мама шли в праздничных колоннах. Папа с ветками не ходил. Он нес или фотографии старых серьезных дядек, или красную тряпку на палке. На тряпке были написаны разные, в зависимости от праздника, предложения, но начинались они почти всегда одинаково – со слов «Да здравствует». Дядьки на фотографиях были всегда серьезные, в черных костюмах и галстуках. Некоторых из них я видел по телевизору. Непонятно было, за что и зачем их показывают. Они были страшно скучные и почти всегда по бумажкам медленно читали какую-то белиберду. Особенно часто выступал самый старый дед с хриплым голосом. Читал он очень плохо, все время сбивался, чмокал, кашлял и издавал всякие смешные и противные звуки. У нас бы в детском саду любого за такое чтение отстранили от участия в празднике или просто не дали бы слов. Вот Лёне Хоркину никогда не давали слов. Он стоял на утренниках в общем ряду, но всегда молчал. Потому что ничего не мог запомнить. Однажды Лёне все-таки дали выучить одну строчку и когда до него дошла очередь, он стал говорить так медленно, делал такие паузы между словами и так жалобно втягивал носом, что Лена Пронина, стоявшая рядом, не выдержала и выпалила его фразу. Лене влетело от воспитателей и родителей, но Лёне больше слов не давали. А этому деду слова давали всегда. Каждый день. Было непонятно, почему вместо этих скучных людей не показывают мультфильмы и кино. И почему на фанерке, прибитой к дереву, носят по праздникам именно их фотографии, а не тех, кто действительно это заслужил. По моему мнению, там должны были быть Волк и Заяц из «Ну, погоди!», Паспарту из «Вокруг света за 80 дней», Алла Пугачева, Дядя Федор, кот Матроскин, дети капитана Гранта и другие достойные люди. Несколько раз я задавал этот вопрос родителям. Они смеялись одобрително, но немного странно, как заговорщики, и говорили мне в ответ, чтобы я не болтал ерунды. Но я понимал, что я прав. Потому что, когда после парада гости собирались за столом, включались пластинки с Пугачевой, а не с этим странным дедом.

Я отвлекся. Праздник, парад, папин день рождения.

Застолье, как любые хорошие посиделки, поделилось на три этапа. Сначала взрослые говорили тосты и делились новостями. Потом пели под гитару дяди Гриши про то, что только пуля казака догонит, и танцевали, все время поправляя прыгающую от их топота иглу проигрывателя, а потом разрезали торт и стали грустить о том, как быстро летит время. Папин друг, дядя Гриша, со светлой грустью отметил, что и дети уже совсем большие... Все дружно и грустно вздохнули, и я, чтобы поддержать взрослый разговор, в тон дяде Грише, но достаточно гордо добавил: «Да... и я вот уже с горшка на унитаз пересел...» Взрыв смеха, который за этим последовал, даже ржанием назвать трудно. Я в слезах кинулся в свою комнату, которую от гостиной отделяла тонкая стенка, не заглушавшая неутраченного смеха, бросился на кровать и стал бить в стену ногами, пытаясь остановить это безудержное веселье. Минут через десять в комнату заглянул папа и пообещал, что я получу. Я оставил стенку в покое, но обиду на эту компанию, а особенно почему-то на дядю Гришу затаил нешуточную. Но это уже другая история...

## Глава 3

### Отпуск

Лето, как всегда, было долгожданным и, как всегда, оправдывало мои ожидания. Во-первых, у брата, который старше меня на пять лет, наступили каникулы, а это значит, что присмотр за моей персоной поручен ему, и, волей-неволей, он вынужден был таскать меня с собой на прогулки, чтобы не сидеть дома. Брат Александр будет часто появляться на этих страницах, поскольку мы прожили вместе тринадцать лет под крышей отчего дома и пять лет в одной комнате общежития. Так что, как вы понимаете, нас многое связывает. Но для начала я расскажу самую первую историю из нашего совместного бытия. Однажды, давным-давно, когда я представлял собой орущего несмышленного пупса, лежавшего в коляске и непрестанно требовавшего к себе внимания, мои родители проснулись ночью от непривычной тишины. Осознав, что тишина родилась из долгого отсутствия моего уже привычного плача, папа и мама ринулись в соседнюю комнату, где обычно ночевала моя колясочка, и обнаружили полное отсутствие и ее, и меня. И только мой старший братишка мирно посапывал в своей кроватке... Меня, конечно, нашли. В подъезде, на площадке возле квартиры. Просто мой пятилетний брат, которого я раздражал своим писком, выкатил меня на площадку, чтобы я не мешал ему видеть цветные сны. В общем, брату из-за меня попало тогда в первый раз. Потом это «попало» повторится еще и еще, и часто несправедливо, поскольку попадать должно было мне, но он ведь старший...

Итак, мне исполнилось семь, мой брат таскал меня с собой на улицу, и я жадно впитывал каждую каплю взрослой жизни, создавая непосильную обузу для своего брата и для всей оккупировавшей наш двор компании двенадцатилетних пацанов.

С этим временем связана еще одна история, которую рассказали мне родители. По субботам я страшно любил просыпаться пораньше и забираться в большую родительскую кровать. Устроившись между папой и мамой, можно было обнимать сразу обоих. От этого было очень хорошо. Это я и выразил словечком, услышанным несколько раз во дворе. Когда я спросил у старших ребят, что оно значит, они ответили мне, что так говорят, когда очень-очень хорошо. Вот это я и сказал, забравшись в родительскую кровать и обняв папу с мамой. «Как за...ь-то», – с чувством произнес я. Папа и мама сначала оцепенели в кроватях, а потом мелко затряслись от хохота. Родительское чутье подсказало им, что лучше не заострять мое внимание на этом слове до поры до времени. И действительно, скоро я забыл это слово и пользовался понятным «хорошо».

А хорошего было много. На носу был июль, время родительского отпуска, а значит, и время сбора чемоданов, поезда, моря, бабушки Клары и дедушки Давида, двоюродных братьев-одесситов и многого-многого еще. Только одно беспокоило меня каждое лето. Мы все уезжали в отпуск, а бабушка Рива оставалась одна ждать нас дома. Мне было ее страшно жалко, и я всегда привозил ей в подарок ракушки. Если бы я мог, то я бы сейчас собрал все ракушки мира, чтобы бабушка Рива, сидя в своем кресле, все так же смотрела телевизор, а ее старые ноги грел бы наш полуспаниель-полуболонка Бимка...

Но лето неотвратимо стремилось к солнцестоянию, брат стремился отделаться от меня, родители – в отпуск, и в конце концов, как и каждый год, мы все оказывались в плацкартном вагоне, несущем нас по необъятным законным просторам печеных пирожков, соленых огурцов, вареной картошки в полиэтиленовых пакетиках и других прелестей нашего великого железнодорожного пути. А путь этот лежал через невообразимо огромный и сказочно гудящий город Ленинград.

Время между прибытием на Московский вокзал и отбытием с Витебского было посвящено осмотру достопримечательностей Ленинграда и покупкой всяческой снеди в дорогу. Уже

часа через два общесемейного шатания по Невскому проспекту я ныл о своей страшной усталости, о том, что у меня болят ноги, что мне жарко, что я хочу попить и пописать. Этим, конечно, я вызвал обыкновенное раздражение старшего брата. Раздражение старшего брата, в свою очередь, расшатало спокойствие папы, который в конце концов заявил маме, что ему самому эти экскурсии вовсе не нужны и что он уже видел эту люльку революции тысячу раз. Мама, как всегда, держалась до последнего. Она предложила найти воду, туалет и скамейку в любом удобном для нас порядке. Стоит ли говорить, что самым трудным было найти в Ленинграде туалет. Поэтому, когда минут через сорок мы встретились у выхода из грязно-кафельного полуподвальчика, на несколько минут масло блаженного спокойствия пролилось на бурное внутрисемейное море. Но несколько минут прошли, нить мое возобновилось с новой силой, папа, таша меня за руку, ринулся на ближайший бульварчик, призывая маму не отставать, меня терпеть, а Шуру – не волочить по земле сумку К несчастью, вектор нашего стремительного движения пролегал мимо ларька с мороженым. В нашем городишке мороженого просто не было, вернее, оно появлялось по большим-пребольшим праздникам, поэтому глаза мои загорелись вожделием, и я занял с новой силой, проклиная жару и умоляя папу осчастливить меня брикетом «холодненького шоколадненького» пломбира. Чтобы заткнуть фонтан стенаний, папа купил мороженое мне, а заодно себе, брату и маме. И вот я, сидя на скамейке, болтая ногами, которые не доставали до земли, и игнорируя мамины просьбы сначала держать во рту, а потом глотать, чтобы не простудиться, уже уплетаю за обе свои толстенькие щечки волшебное лакомство.

После съеденных трех четвертей брикета я вдруг осознал, что доесть остальное просто не могу. Сказать об этом я не мог – боялся праведного папиного гнева. Поэтому, как ребенок рассудительный, я решил избавиться от остатков мороженого потихоньку. Оглядевшись по сторонам и не увидев урны, я, улучив момент, когда на меня никто не смотрел, быстрым и уверенным движением бросил остатки лакомства через плечо за спину. Бросок был сильным и, как оказалось, на удивление точным...

Бульвар, на котором мы разбили наш семейный лагерь, состоял из двух дорожек, между которыми во всю его длину пролегла клумба, засаженная аккуратно подстриженными кустиками сантиметров пятьдесят в высоту. По сторонам каждой из дорожек стояли сиденьями к дорожкам неудобные, но красивые чугунные скамейки. То есть скамеек на бульваре получалось четыре ряда, причем два внутренних ряда скамеек располагались друг к другу спинками. Теперь, если вы уяснили геометрию пространства, я могу вернуться к драматическим событиям того дня.

...Улучив момент, когда на меня никто не смотрел, быстрым и уверенным движением я бросил остатки мороженого через плечо. Бросок оказался сильным и на удивление точным. За нашими спинами раздался характерный шлепок, громкий и не совсем цензурный крик, и, обернувшись, мы увидели такое же, как наше, семейство (с той только разницей, что там были дочери), и мороженое, которое медленно стекало по лицу папы двух обомлевших девочек. Вытаскивая из кармана платок и приговаривая «Извините ради бога, извините», наш папа бросился сквозь кусты к отцу соседнего семейства, и, несмотря на его вялое сопротивление и слова «Ну не надо... не надо...», стал стирать с его лица липкую кашу шоколадного пломбира. В это время мама разъяренно, но не больно шлепала меня по заднице, я ревел, а брат дико ржал. Потом мы стремительно шли прочь, папа и мама молчали, а брат ржал. Потом папа остановился, и брат перестал ржать. Ему попало от папы. Чтоб не ржал. А мне не попало. Потому что два раза за одно и то же преступление не наказывают...

И вот мы снова в поезде, теперь уже в купейном вагоне, и, вдоволь набродившись по коридорчику и наевшись конфет, подаренных пассажирками из соседних купе, я сладко засыпаю под стук колес и тихие родительские разговоры. Следующая станция – Крыжополь.

Да-да-да! Мои бабушка Клара и дедушка Давид жили в этом легендарном еврейском местечке, которое так часто упоминается в анекдотах о нашем брате. И мои папа с мамой родом именно оттуда. А значит, в некоторой степени Крыжополь и моя родина.

Поезд останавливался в Крыжополе в два часа ночи и ровно на минуту. Из вагона на насыпь (перрона там не было) вылетали наши чемоданы, потом снизу принимали маму, брата и меня. Папа покидал вагон последним. Потом мы ехали на телеге, запряженной настоящей лошастью и управляемой моим дядей Милей, сквозь непроглядную южную ночь по улицам местечка, и я вдыхал запах яблок и каштанов, слушая стрекот сказочно громких цикад и держась за такую надежную даже в темноте папину ногу.

У бабушки с дедушкой был самый вкусный дом, который я встречал в своей жизни. Каждая комната пахла в нем по-особенному, и каждый из этих запахов нравился мне. Спальня с двумя огромными кроватями, спинки которых украшали литые шишечки; гостиная, в деревянные окна которой сквозь закрытые ставни по утрам пробивались солнечные лучики, купающие в своих струйках золотые пылинки; холл с длиннющей полосатой дорожкой и зеленым баком для питьевой воды в углу, и огромная кухня, в которой хозяйничала бабушка, выпекая невыносимо вкусные пироги с яблоками и вишней... Еще в доме была темная прохладная комната со всегда закрытыми окнами и большой, никогда не топившейся печью. Там в тазиках хранились куриные яйца, а на противнях – приготовленные пирожки. А еще мне казалось, что там хранится какая-то тайна. Уплетая пирожки в тишине темной комнаты, я любил фантазировать о скрытых в ней секретах...

Наступало золотое для меня время. Дед с бабой баловали меня так, как, наверное, когда-нибудь я буду баловать своих внуков. Так как я был мальчиком добрым и любил весь мир, в том числе и животных, на период моего присутствия объявлялось полное равноправие между всеми животными и людьми. Кошки и куры безнаказанно разгуливали по всему дому и гадили где попало. Любые насильственные меры по отношению к братьям нашим меньшим тут же пресекались моим душераздирающим плачем и криками типа: «Ты что, бабушка! Курица же тоже человек! Она тоже жить хочет!»

Дедушка – а дедушка занимал видное в крыжопольском обществе положение – тоже не обделял меня вниманием и раз в неделю водил в магазин игрушек. При его появлении продавцы вставали по стойке смирно, а я выбирал все... ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ?! все, что мне хотелось! Неделю я играл с новыми игрушками, потом их раздавали соседским детям, и все повторялось сначала. Однажды я подслушал разговор дедушки и папы. Был он примерно таким:

Папа: Ты испортишь мне ребенка.

Дед: Не испорчу.

Папа: Перестань его баловать!

Дед (*ударяя ладонью по столу*): Ты, что ли, здесь командуешь?

Папа: Папа, извини. Я не прав. Больше не буду.

Дед: Ладно, сынок, он же мой младший внук... Раз в году можно...

Потирая пухлые ладошки, я радовался вседозволенности и своим маленьким мозгом понимал, что дед – это сила, раз его слушается даже папа...

Единственное, что мне не нравилось у деда Давида и бабушки Клары – уличный деревянный туалет. Кроме того, что там были мухи, это все было страшно неудобно – придерживать одной рукой шорты, другой держаться за ручку двери и бояться еще в это время провалиться в ужасную дырку, которая была широковата для моих возможностей. Поэтому я снимал шорты и трусы. Так было проще сосредотачиваться. И поэтому же однажды, не знаю как, но я умудрился уронить их в тартарары. Выйти из туалета голым по пояс снизу я не мог, сидеть внутри долго было невыносимо, и я стал кричать. Кричал я разные слова, вроде «папа» и «помогите». Папа примчался и по привычке вырвал дверной крючок, распахнув настежь дверь. Видимо, он подумал, что в тартарары провалились не шорты, а я. В советское время шортами не разбра-

сывались, чтоб вы знали, поэтому папа проявил чудеса рыбацкой смекалки. Родители и дед с бабушкой не упоминали об этой истории, чтобы меня не травмировать, но пострадавшие шорты с тех пор стали называться «те, которые». Звучало довольно тактично, хоть и напоминало мне о конфузе. И только беспощадный старший брат, стоило ему завидеть меня в «тех, которые», тут же сообщал: «О, братан в говняных шортах!»

Видите, у меня не складывалось как-то с туалетами. Но, слава богу, это не то помещение, где мы проводим большую часть своей жизни. Мое лето проходило в тенистых дворах крыжопольских родственников, которые кормили меня пирожками, бульоном из курочки, булкой с маслом и клубничным вареньем и знакомили со своими дочками, примерно одного со мной возраста. Удивительно, что в шесть лет на меня смотрели как на возможного жениха для Раечки или Викочки. Раечка и Викочка обычно были такими же упитанными, как я, поэтому мне решительно не нравились. При этом я от недостатков своей фигуры не страдал и с удовольствием уплетал разные пироги и какие-то еще вкусные украинские штуки, от которых я и сам прибавлял, как на дрожжах. После бабушкиных пирожков с яблоками и черешней на втором месте стояли вареники с вишней, которые готовила папина сестра тетя Мара. Я страшно любил наблюдать процесс их приготовления. Тетя Мара была просто необъятной, и ей было трудно ходить. Поэтому дядя Миля ставил ей стол и стул прямо под вишню, растущую во дворе. Тетя Мара раскатывала тесто, а потом срывала с дерева темно-красные ягоды, ополаскивала, вынимала косточки и, обмакнув в сахар, невероятно ловко упаковывала их в конвертики из теста. Этих конвертиков я мог съесть чертовски много. Когда по осени нас взвешивали после лета в детском саду на медосмотре, врач неизменно говорила «Ого!» при моем входе на весы и ставила в пример худым детям. Станный все-таки был подход у советских докторов. Но это я понял потом. А тогда даже гордился тем, что умею набирать вес лучше всех.

Но до осени было еще далеко, а до моря – близко. Приходило время отправляться дальше. Дальше – это в незабываемую Одессу с ее рынками, старыми дворами, увешанными виноградом, веселой Дерибасовской и, конечно, самими одесситами, где нас ждали папины племянники Ёся и Мишка. Мои двоюродные братья старше нас с братом ровно на двадцать лет и сейчас воспитывают своих внуков в далеком Израиле. А когда-то, в семьдесят девятом, они были молодыми людьми в расцвете красоты и здоровья; и младший отличался от старшего так же, как я отличаюсь от моего доброго и домашнего старшего брата. У обоих уже были семьи и дочери, так что я был дядей, чем страшно гордился. А еще у них была дача в одном из лучших мест Черноморского побережья – на Каролино-Бугазе, или, как еще называли этот рай, – «Золотая коса». Медузы, обжигающий песок, невкусная теплая кипяченая вода из молочной бутылки, разомлевшие персики, неунывающее солнце и топот ежиков по ночам продолжались две недели, и если бы не ежедневная ловля бычков и креветок, а также собирание ракушек для бабушки Ривы и девочки Марины из соседнего двора, то мой жаждущий деятельности организм сварился бы в мареве жаркого безделья, которым просто упивались мои родители. Правда, некоторое разнообразие в их безмятежный отдых вносили мои солнечные удары, расстройства желудка и безуспешные попытки захлебнуться противной на вкус морской водой, но все же до конца испортить им отпуск я не смог. Да и не хотел. Я ведь был добрый мальчик, и всякие происшествия, которые происходили по моей вине, совершались не со зла, а просто потому, что я... ну, это я.

На черноморской даче собирались родственники со всей страны. Это было прямо родовое поместье. Куча разновозрастных детей с утра до ночи носились по дому, уставленному тяжелой старинной мебелью, прыгали по деревянным, с кожаными сиденьями диванам, рвали еще не созревшие груши и до одурения кувыркались в морских волнах. Когда на море был шторм и нельзя было купаться, а ветер задувал так, что яблоки как снаряды барабанили по крышам, мы не скучали в этом каменном двухэтажном, скрипучем, полном всяких тайн и старых вещей доме. Однажды именно в такой ветреный день, когда взрослые отправились за продук-

тами, в мою голову пришла гениальная мысль. В прихожей на старой рогатой вешалке висело штук шесть разного возраста и размера зонтов. Взяв один из них и поднявшись на крохотный балкончик второго этажа, я открыл его и, направив по ветру, выпустил из рук. Зонт волшебным образом пролетел почти весь участок и плавно приземлился у забора на краю нашего виноградника. Я сбегал за ним, а потом сообщил нашей шайке о новом развлечении. Мы разделились на две команды. Одна ловила зонты внизу, другая – запускала сверху. Потом менялись. Это было круто. Как только ты открывал зонт, он словно оживал и начинал рваться из рук с такой упругой силой, что казалось, еще чуть-чуть, и ты взлетишь в небо, как Мэри Поппинс или Элли из Канзаса. Было круто, пока порыв ветра не закинул один из зонтов за высокий забор соседнего участка. Как назло, зонт был из новых и принадлежал кому-то из родителей. Военный совет постановил, что так как идея была моя, то и идти за зонтом должен я. Это было неприятно, но ничего особо страшного в этом я не видел. Дойдя до соседской калитки, я немножко оробел. Надо сказать, что соседский дом был гораздо больше и богаче нашего, а его забор немножко напоминал крепостную стену из песчаника, украшенную сверху чугунными пиками. Еще из-за забора часто раздавался устрашающе-низкий лай. Такой низкий и громкий, что, слыша его, я каждый раз представлял себе огромную собаку-чудовище из сказки про огниво. Ответом на мой стук был только бешеный лай. Соседа не было дома. Я вернулся ни с чем. Время шло, наши родители должны были скоро вернуться, а зонт оставался в соседском винограднике. Военный совет снова собрался на совещание, и кто-то высказал идею, что хорошо бы заглянуть за забор, ведь если зонт лежит недалеко, то его можно зацепить чем-то длинным. Ну, понятно, что заглядывать должен был тот, кто придумал всю эту фигню с зонтиками. Меня подсадили всей компанией, я ухватился за чугунные пики и с огромным трудом вполз на стену и прилепился к ней в позе орла. Зонт действительно лежал неподалеку от стены, но достать до него с двухметрового забора я, конечно, не мог. Единственная длинная вещь, которую нашли мои двоюродно-троюродные братья и сестры, был сачок для ловли креветок с длиннущей, как следующее слово, двухполовинойметровой ручкой. Они протянули сачок мне, и я попытался зацепить зонт. Но удержать за конец ручки сачок мне не хватало сил, а до зонта не хватало нескольких сантиметров. Я переместился на другую сторону чугунных пик, взялся за одну из них левой рукой и, упершись ногами, свесился вниз. Зацепив зонт сеткой сачка, я потянул его вверх, но он зацепился за виноград и не хотел вылезать из куста. Держаться и держать было тяжело, ладонки потели. Я дернул посильнее. Зонт не поддавался. Я дернул изо всех сил и оказался лежащим между кустами винограда на чужом участке. Завывал ветер, начинался дождь, а я был один, и некому мне было помочь. Забраться на забор самому нечего было и думать. Конец света. Выход был один – через калитку. Схватив в одну руку сложенный зонт, а в другую сачок, я повернулся туда, где, как я думал, должен находиться путь к спасению. Но там находилось другое. То, о чем я забыл, и то, что так страшно лаяло, когда мы проходили мимо этого дома. Если оно и было менее страшным, чем собака из «Огнива», то только чуть-чуть. Огромная лохматая непривязанная псина удивленно подняла голову и уставилась на меня. Я замер, и меня затошнило от страха. Но удивление псины продолжалось всего секунду. Она вскочила и с ужасным лаем бросилась на меня. Никогда еще до этого я не бегал так быстро. Ужас был в том, что я не понимал, куда я бегу, и не знал, где выход. Меня спасло какое-то строение, у стенки которого была пирамидка из старого кирпича. Взлетев по кирпичам вверх, на крышу будочки, я толкнул ручкой сачка стопку кирпичей, и они рассыпались перед огромной беснующейся псиной. Я был спасен. Я стоял... Да. Опять. Это место преследовало меня. Я стоял на крыше туалета. Грянул гром. Хлынул дождь. Сверкала молния. Я открыл зонт. Мне было страшно, одиноко и мокро. Таким меня и увидел вернувшийся домой сосед. На крыше туалета, с зонтом в одной руке и огромным сачком в другой. Оттащив собаку, он предложил мне спуститься вниз и спросил, что я ловлю сачком для креветок на его сортире. В ответ я заплакал и попросил отпустить меня домой, сказав, что ничего не ловлю и больше никогда не

буду. Наверное, сложно представить, что пухлый семилетний пацан замышляет что-то страшное, даже если в его руках огромный сачок. Сосед отпустил меня. Но с тех пор я старался не попадаться ему на глаза. Очень стеснялся своих туалетных слез. Ну а с братьями и сестрами все было круто. Для них я придумал другую историю. Без туалета, но с собакой. В этой истории я был находчивым и смелым. И доказательство было налицо. Я принес зонтик. А родители так ничего и не узнали.

Время морским приливом смывало дни, и приходила пора отправляться в обратный путь... Мы двигались на север, домой, по пути обрастая цветными корзинами, забитыми незрелыми фруктами. Потом зелеными помидорами, каменными персиками и грушами будут заняты все темные места нашей квартиры и ее нашкафные пространства.

Я обожал возвращаться домой из отпуска... Вся квартира, наша с братом комната казалась какими-то немножко другими, отвыкшими от нас... А бабушка... бабушка светилась счастьем и радовалась моим ракушкам так, как будто я привез ей лекарство от больных коленей и от старости...

Август набирал силу, и, как и все северные жители, мои родители стремились урвать каждый солнечный выходной, чтобы провести его на природе. В одну из таких суббот мне и представился случай отомстить дяде Грише за мое унижение на папином дне рождения. Тем более состав компании был абсолютно тем же. И вот на трех машинах – мы на нашем бело-снежном «Москвиче-412», дядя Витя с семьей, не помню на чем, но тоже на не менее приличном транспорте, и дядя Гриша на служебном «козле» – отправились на живописный берег Ладоги. Надо сказать, что был дядя Гриша начальником, и «козел» у него был начальнической машиной, чистенькой, ухоженной, наполненной всякими примочками и финтифлюшками типа бахромы по верхнему краю ветрового стекла и стеклянных набалдашников для рычагов переключения передач с цветочками внутри. А еще дядя Гриша был мужчиной добрым и позволял мне сидя в кабине своего выключенного автомобиля крутить руль, издавая ртом звуки, как мне казалось, похожие на рев мотора... Ну да ладно, не мучая вас долгой предысторией, расскажу, как я нехорошо поступил с доверчивым дядей Гришей.

Когда вся веселая компания приняла положенный под уху напиток, а дети увлеклись игрой в прятки, я, обойдя полянку стороной, тихонько забрался в машину, стоявшую под деревьями, и снял ее с ручника. Хорошо иметь папу, который иногда дает тебе порулить «Москвичом», сидя у него на коленях, и рассказывает, что в машине для чего и как работает. «Козел» оказался легким на подъем (точнее, на спуск) и легко покатился вниз по склону, который заканчивался, как вы, наверное, уже догадались, прямо в самом большом в Европе Ладожском озере. Я же выскочил из машины и тем же кружным путем примчался на другую сторону поляны, где мои сверстники продолжали играть в прятки. Первым процесс движения транспортного средства заметил мой папа. Пролив ложку горячей ухи себе на грудь, он издал неопределенный звук, который ничего не сказал остальным участникам пикника, но все же заставил их обернуться в сторону папиного ошалелого взгляда. Потом был короткий и бесполезный забег троих взрослых мужчин, который закончился по грудь в воде, рядом с безвременно утопшим «козлом». Естественно, что на всеобщий шум я прибежал с противоположной происшествию стороны, чем обеспечил себе полное и неопровержимое алиби. Домой ехали на двух машинах. Было очень тесно, мне пришлось сидеть на коленях у непривычно серьезного дяди Гриши, и я даже подумал о том, что лучше, наверное, было просто принести в его машину на лопате кусок муравейника. Но дело было сделано, моя честь восстановлена, а «козел» все-таки был машиной служебной, и когда в следующие выходные дядя Гриша приехал к нам в гости на своей «Волге», с души моей упал небольшой, но все же неприятный камень. Это, пожалуй, было последнее достойное упоминания большое дело моей дошкольной жизни. Близился первый звонок...

## Глава 4

### *Выход в свет*

Это был знаменательный день. Начинался новый этап жизни. Отрезок бытия длиной в десять лет, который на вечерах выпускников называется «Школьные годы чудесные».

Надев новенький, подчеркивающий все циркульные линии моей фигуры школьный костюмчик и водрузив на плечи пахнущий свежим кожаменителем зеленый ранец с божьей коровкой, я с мамой и папой отправился навстречу среднему образованию с букетом красных гладиолусов и желанием впитать в себя все новое и неизвестное.

Первый звонок прошел радостно и быстро, потому что лил дождь, и, наскоро поцеловав растроганных родителей, я отправился в свой 1-й «Б» знакомиться с людьми, которые должны были стать моими спутниками на ближайшие восемь – десять лет. Первый урок я не помню. А вот первую перемену помню хорошо. На ней я познакомился с Димой Титоренко. Вернее, он познакомился со мной. Я как раз убирал тетрадь в ранец, когда он тихонько подошел сзади и пнул меня по моей упитанной попе. «Привет, жирный», – были его первые слова. С этого дня он именно так здоровался со мной каждый день на протяжении примерно семи лет. Причем пендель тоже входил в обязательную программу приветствия. Но в тот момент это было ново и непривычно. Раньше к моим ягодицам прикасалась только ладонь отца, да и то достаточно редко. А самое обидное, что я слышал по поводу своей фигуры, – беззлобное «пончик».

Физический и моральный ущерб, нанесенный мне, был так внезапен и силен, что я на некоторое время оцепенел. Димон был ребенком нетерпеливым, поэтому тут же продолжил процедуру знакомства. «Чего не здороваешься?» – приветливо спросил он и стукнул меня по голове моим первым учебником. Тут я очнулся. Я был мальчиком миролюбивым, никогда не дрался и не умел этого делать, поэтому просто в него плюнул. Дима долго бил меня кулаками, топтал мой портфель и плевался, пока не израсходовал всю слюну. Мое поражение было полным и бесповоротным. На этом мои «школьные годы чудесные» закончились, и началась тяжелая каждодневная борьба. С собой, с окружающим миром и с Димой Титоренко. Борьбу эту, конечно, никто не замечал, потому что она была тихой и незаметной. Иногда маленькие гейзеры моего негодования пробивались на поверхность, и я бывал бит. Но это закаляло мой характер. Я научился скрывать обиду и злость. И прощать я тоже научился. Тех, кто обижал меня случайно или за компанию. Но таких, как Дима Титоренко, я прощать не собирался. Я просто ждал. Ждал и закручивал в себе пружину. Ждать пришлось долго, но об этом позже. А пока мне нужен был способ избежать физического и морального насилия. Выход был один – учиться лучше всех. Авторитет всезнайки и умение решать самые сложные домашние задания спасали меня от ежедневных унижений. Правда, делать домашние задания для Димы Титоренко уже само по себе было унижением, но не шло ни в какое сравнение с публичными подзатыльниками и прозвищем «Жирная Люба» (от фамилии Любашевский).

Природная мягкость и родительское воспитание не позволяли мне вымещать мои обиды на более слабых (хотя вряд ли такие были), а также на кошках, собаках и птицах. Но какой-то выход для моих эмоций должен был быть. Я же должен был компенсировать все минусы, хоть на какой-нибудь плюс. И этот выход нашелся. Я знаю, что многие дети проходят возрастную клептоманию. Я ее тоже прошел. Воровал я дерзко и все подряд. В гардеробе школы, в гостях у друзей, в карманах папы, мамы и брата, на работе у мамы... У мамы на работе женщины скидывались мелочью, чтобы купить что-нибудь к чаю, а я, возвращаясь домой из школы, часто заходил на мамину работу. Мне нравились полированные столы, счеты, калькуляторы, большой таинственный сейф и кабинет директора, стены которого были обиты пластиковыми вкладышами из конфетных коробок (от этого в кабинете всегда пахло шоколадом). Странно сейчас

звучит, а тогда в великой стране эти конфетные штуки на стенках были модным дизайном. Еще потолок удеывали картонными подкладками для яиц. Потому что в великой стране ничего не было в магазинах. Отвлёкся.

Так вот, однажды я зашел к маме как раз в обеденный перерыв, когда в конторе никого не было, кроме женщины, которая дежурила в пункте проката, принадлежащем маминому ведомству. Я вошел в кабинет и увидел на столе ровненькую стопочку серебристых двадцатикопеечных монет... Дальше ничего объяснять не нужно. Зайдя в соседний магазин промтоваров, я купил какие-то цепочки в отделе бижутерии, из которых сделал впоследствии очередной клад, а в кулинарии штук пять свежих сочников, которые умял, пока шел домой, чтобы не объяснять, откуда я взял на них деньги. Вечером мама, посадив меня рядом с собой, спросила, заходил ли я к ней на работу. Отрицать это было глупо – меня видели. Я кивнул головой. Тогда мама задала мне следующий вопрос: «Сынок, а ты ничего не брал со стола в кабинете?» – «Нет, мамочка, а что случилось?» – невинно ответил я, заглядывая в добрые мамины глаза... «Честное слово, сынок?» – «Честное слово, мамочка»... На этом разговор был окончен... Но это все предыстория, которая была необходима, чтобы вы поняли, что хотя меня и не поймали ни разу, а, как говорится: «Не пойман – не вор», – репутация моя была подмочена, и через некоторое время родители перестали оставлять в карманах мелочь, а меня – в пустых рабочих кабинетах.

Ну а теперь – главное. Пик моей воровской карьеры пришелся на зимние каникулы. Папа, а папа у меня врач, после покупки нашей первой машины, а она появилась в семье раньше меня (как вы помните, это был снежно-белый «Москвич-412»), копил на «Жигули». И, наконец, время пришло. Точнее, очередь подошла. Накопить было мало, надо было ждать, пока тольяттинский завод сделает именно твою машину. И вот этот момент пришел. Папа снял со сберкнижки огромную по тем временам сумму – восемь тысяч двести рублей и, разделив на восемь стопочек, положил в шкаф, который закрыл на ключ. Это было вечером. Я не видел, что папа положил в шкаф, но я видел, что шкаф был заперт на ключ, чего обычно не делалось. Любопытство мое было раскалено до предела, когда я увидел, что папа положил ключ в карман пиджака, в котором и ушел утром на работу. Благо папина работа была рядом, а я был мальчиком с хорошей фантазией. Вернувшись из школы, я позвонил папе на работу и сказал, что хочу прийти к нему порисовать. Я делал так часто, когда мне было скучно дома одному. В больнице меня все знали, к тому же папа был заведующим отделением, и кто же ему запретит. Через десять минут я был у него, а через полчаса, выждав, когда папа выйдет в белом халате из кабинета, я добрался до папиного пиджака, висевшего на стуле, а следовательно, и до ключа. Посидев еще минут пятнадцать для конспирации, я сказал папе, что уже пойду домой. Времени было немного. В любой момент из школы мог вернуться старший брат. Бегом вернувшись домой, я ринулся к шкафу, открыл заветную дверцу и... остановился, как громом пораженный. Такого количества денег я не видел никогда. Восемь толстеньких стопочек новеньких, пахнущих наклейками купюр (вы, кстати, обращали внимание, что новые деньги пахнут переводными картинками?) лежали на верхней полке, перетянутые черными медицинскими резинками. Справедливо рассудив, что если из каждой стопки взять по чуть-чуть, то будет совсем незаметно, я быстро изъясил неведомую мне сумму из семейных сбережений. Оставить такое богатство без присмотра я не мог, а ключ надо было вернуть. Оставалось одно – взять с собой. Но куда спрятать такую добычу? Где самое надежное место? Правильно! Запихав купюры в колготки, я закрыл шкаф, оделся и вновь отправился к папе на работу.

Папа сидел за столом и заполнял историю чьей-то болезни. Войдя в кабинет, я сообщил папе, что тоже хочу быть врачом, что мне опять скучно одному дома, что я его люблю и можно посижу у него в кабинете и еще порисую. Отказать ребенку после таких слов, как вы понимаете, практически невозможно. Я остался рисовать в кабинете папы. Вернуть ключ в карман было уже просто делом техники. Я рисовал до самого окончания рабочего дня и вернулся домой вместе с папой. После ужина папа и мама собрали папу в путь за новым автомобилем, а потом

папа решил еще раз пересчитать все нажитое непосильным трудом. И тут он с ужасом обнаружил, что не хватает почти двух тысяч. Папа мой человек умный, поэтому не стал кричать, а тихонько вышел с мамой на кухню. Потом они позвали брата Шуру. Я надел латы и опустил забрало, приготовившись к страшному штурму, но все оказалось совсем не так, как я ожидал. Минут через пять в комнату вошел брат и тихонько сел рядом. Далее я просто перескажу наш короткий диалог.

Шура: Олег, ты деньги взял?

Я: Какие деньги?

Шура: Ну, ты же знаешь...

Я: Ничего я не брал.

Шура: Я же твой брат! Ты что, со мной не поделишься?

Я (*послепаузы*): ...поделюсь.

Шура: Значит, ты взял?

Я: Ага.

Шура: А где спрятал?

Я: Не скажу.

Шура: Мне?! Брату родному не скажешь?! Эх ты...

Я: Ладно, скажу. В колготках.

Шура: В каких?

Я: Вот в этих.

И над квартирой взвился Шуриный крик: «Па-а-апа, они у него в колготках-ках!!!»

Затем была очень короткая погоня. Так как путь к туалету мне был отрезан изначально, я рванул в другую сторону. Другая сторона кончалась в родительской спальне. Под кроватью. Оттуда меня и выволок папа за одетые в золотые колготки конечности. Из колготок меня буквально вытряхнули. А вместе со мной вытряхнулись и новенькие, но уже изрядно помятые советские дензнаки. Наказание было страшным: мне объявили бойкот. Все. Даже бабушка Рива. Я рыдал, просил прощения, клялся, что больше не буду, отдал стыренную несколько дней назад мелочь – ничего не помогло. Семья была непреклонна. Лежа в постели и глотая слезы отвергнутого раскаяния, я решил отомстить брату за его вероломство. И вот когда квартира погрузилась в сон и двигался только снег, пролетающий мимо уличного фонаря, стоявшего прямо напротив окна детской, я знаете что сделал? Не понимаю, как в голову семилетнего ребенка могла прийти эта мысль, но именно это я и сделал. Я взял свой школьный пластилин и выложил его из коробки на батарею. Весь. Когда пластилин нагрелся и стал мягким и липким, как жвачка, я взял эту разноцветную массу и... приклеил шевелюру спящего старшего брата к деревянной спинке кровати. А потом лег спать с чувством выполненного долга и полного морального удовлетворения. Проснулся я под утро от истошного Шуриного крика. Братик захотел в туалет, но не смог встать с кровати. А вы бы не заорали на его месте? Пластилин за ночь застыл и намертво влип в черные шелковые кудри моего брата, прочно соединив их со спинкой кровати. Брата выбрили наголо, сначала, конечно, отрезав ножницами от спинки. Мне продлили бойкот, запретили гулять, ходить в гости, в кино и смотреть телевизор. Короче, меня арестовали. Но брату, естественно, было этого мало. Ему нужна была морально-физическая компенсация ущерба. Ведь все ровесники, которые его встречали, спрашивали одно и то же: «Что? Вши?» – и с опаской отодвигались подальше. А он не мог им признаться, что его так уделал младший брат. Уж лучше вши...

Итак, теперь он жаждал добрататься до меня. На следующий день, а следующим днем была суббота, на завтрак подавалось мое любимое лакомство – яйца всмятку. Я только недавно стал есть это изысканное блюдо самостоятельно, без помощи мамы. Так вот, не успел я снять с верхушечки яйца скорлупу, как проходящий мимо Шура выхватил желанное лакомство из

моих рук и расплющил его о мою голову. Истекая желтком, я понял, что это война и следующий ход мой. Я вынашивал план мести до понедельника. И выносил.

В понедельник, вернувшись из школы, я спрятал свои вещи, как будто меня нет дома, и залез под письменный стол. Где-то через час пришел брат. Минут двадцать он обедал, а потом сел за письменный стол делать уроки. Я подождал еще минут десять и укусил его за ногу.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.